

Кириченко Дмитрий Артурович

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРТИНА МАКДОНАХА

В статье проводится подробное исследование образов животных в текстах Мартина МакДонаха. Значимость данных персонажей в работах автора является характерной не для какого-то конкретного текста, а выступает одной из художественных особенностей его драматургии. На основе событий, связанных с животными, писатель задумывается об актуальной проблеме нашего времени: почему, проявляя искренние и заботливые чувства к животным, человек жестоко убивает себе подобных.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 87-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Азыркина Е. И. Тенденции развития мордовской литературы на современном этапе: писательский состав, жанровое своеобразие, художественные особенности // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1 (9). С. 138-139.
2. Ваганова И. Ю. Ментальное пространство спортивной игры в произведениях художественной фантастики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. 2. С. 45-48.
3. Жиндеева Е. А., Дергунова Н. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 1 (5). С. 64-70.
4. Каверин В. А. Верлиока: повесть // Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 8. С. 7-136.
5. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–80-х гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 183 с.
6. Мишанина В. И. Серебряная ракушка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 112 с.
7. Швечкова Н. И. Жанрово-видовое своеобразие современных мордовских литературных сказок // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия. 2012. № 3 (23). С. 194-198.

**SYNTHESIS OF FAIRY TALE AND MYTH IN THE RUSSIAN
AND MORDOVIAN LITERATURE: CONTRAST-COMPARATIVE ASPECT**

Karabanova Nadezhda Valerievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Shvechkova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevev

Trostina Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
N. P. Ogarev Mordovia State University
jindeeva@mail.ru

The article analyzes the literary fairy tales of children's writers of the end of the XX century in the Russian and Mordovian literature in a contrast-comparative aspect. Particular attention is paid to the synthesis of a fairy tale and myth in their works. The authors of the article suggest the aesthetic and ethical evaluations of complex processes and phenomena that are represented in the work "Verlioka" by the Russian writer V. A. Kaverin and the work "Silver shell" by the Mordvinian writer V. I. Mishanina.

Key words and phrases: genre; folk fairy tale; literary fairy tale; myth; mythologism; synthesis; the Mordovian literature; artistic image.

УДК 821.111

Филологические науки

В статье проводится подробное исследование образов животных в текстах Мартина МакДонаха. Значимость данных персонажей в работах автора является характерной не для какого-то конкретного текста, а выступает одной из художественных особенностей его драматургии. На основе событий, связанных с животными, писатель задумывается об актуальной проблеме нашего времени: почему, проявляя искренние и заботливые чувства к животным, человек жестоко убивает себе подобных.

Ключевые слова и фразы: новая драма; зоолатрия; насилие; животные; Мартин МакДонах.

Кириченко Дмитрий Артурович

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
dima-teatr@mail.ru

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРТИНА МАКДОНАХА[©]

В пьесах и киносценариях известного английского драматурга и режиссёра Мартина МакДонаха особое место отводится животным – их страданиям и жестокости людей по отношению к ним. Очень часто о них не просто говорят между делом, а рассматривают как полноценных действующих лиц. Отдельные указания на значимость данных персонажей (в оценке преимущественно зарубежного литературоведения и критики) мы находим в статьях П. Бурка (P. Burke, 2007) и П. Лонергана (P. Lonergan, 2005). Однако вышеназванные работы лишь отсылают нас к наиболее известным примерам из литературы и кинематографа, в которых встречаются сцены насилия и жестокого обращения с животными. При этом подробного исследования образов животных в поэтике текстов МакДонаха предпринято не было, что и обуславливает актуальность данной работы. Целью данной работы является исследование темы насилия и путей её художественной реализации в произведениях Мартина МакДонаха. Основные задачи подчинены вышеуказанной цели и сосредоточены на выявлении и интерпретации примеров насилия в текстах пьес МакДонаха, а также на определении важности образов животных в поэтике насилия автора.

В одной из частей трилогии об Аранских островах животное без преувеличений становится центральным образом произведения. «Лейтенант с острова Инишмор» – пьеса о бесчеловечности людских поступков, прикрывающихся показной любовью к животным. В этой пьесе очень точно видна подмена, часто встречающаяся в современной жизни: проявляя искренние и заботливые чувства к животным, человек жестоко убивает себе подобных.

Главный герой – Падрайк Озборн, самопровозглашённый лейтенант Ирландской освободительной армии – борец за свободу, владелец кота и единственного друга по кличке Малыш Томас, с которым они были вместе пятнадцать лет. По сюжету пьесы он борется с торговцами марихуаной и жаждет человеческой свободы, но при этом готов убить родного отца за то, что тот не уследил за его любимым питомцем. Конфликт пьесы завязан на жизни и смерти котов, именно эти животные становятся объектом внимания всех остальных персонажей. Несмотря на всю иронию со стороны драматурга, именно предполагаемая смерть Малыша Томаса становится центральным событием пьесы, повлекшим за собой множество жертв. А именно: лейтенант Падрайк убивает троих террористов, которые будто бы организовали убийство Малыша Томаса, ошибочно приняв его за другого кота. По сути, образ кота полностью связан с завязкой, кульминацией и развязкой пьесы. Большое количество человеческих трупов, которыми заканчивается пьеса, – следствие дурного обращения с кошками и нетерпимость к такому поведению со стороны хозяев убитых животных.

В пьесе фигурирует ещё одно животное – кот Сэр Роджер, названный в честь сэра Роджера Кейсмета, культовой фигуры ирландского освободительного движения начала XX века. Сэр Роджер принадлежит шестнадцатилетней Мейрид, славящейся умением выбивать глаза коровам на расстоянии в одну милю. Таким образом, по её словам, она выражает свой политический протест против торговли мясом: «*Don't you know that if you take the profit out of the meat trade it'll collapse in on itself entirely, and there's no profit at all in taking ten blind cows to market, I'll tell ya. There's a loss. For who would want to buy a blind cow?*» [4, p. 15] / «Ты не можешь понять, что для торговцев мясом это серьёзный ущерб. Нет никакого смысла гнать слепых коров на рынок, понял? Только себе в убыток. Потому что кто же купит слепую корову?» (здесь и далее перевод с английского – П. Руднева). Своего кота Мейрид наделяет характеристиками, которые, по видимому, приписывает и своей персоне: «*Sure, every cat has its own separate personality, sure, not to mention its eyes and its miaow. Look at my Sir Roger. Sir Roger has a different personality to any cat...*» [Ibidem]. / «У каждого кота своя собственная индивидуальность, уже не говоря о разнице цвета глаз и о способе мяуканья. Вот, например, мой Сэр Роджер. Сэр Роджер – личность. Он не похож ни на одного кота – из тех, которых я знаю, по крайней мере...». В оценке других персонажей коту неслучайно приписывают те же качества, которые одновременно подходят и его хозяйке: «*He's a snooty bitch and he tore two of my X-men comics the other day and on purpose...*» [Ibidem]. / «Мерзкая, заносчивая тварь. Изодрал два моих комикса – причем нарочно...». Любовь Мейрид к животным беспощадна. Именно поэтому она чуть не лишила глаза метким выстрелом из ружья своего брата Дейви, узнав, что тот якобы сбил на велосипеде чужого кота.

Своего же кота Падрайк возводит в объект всеобщего поклонения, нисколько не скрывая свою одержимость культом зоолатрии. Для него кот – не просто любимое домашнее животное, а лакмусовая бумажка, которая всегда показывала истинный ход дел в его стране: «*...this fella can be expecting for being so bad to an innocent Irish cat*» [Ibidem, p. 42]. / «Я даже не мог себе вообразить, что невинному ирландскому коту в родной Ирландии может быть так плохо». Исключительно своей любовью и светлым образом лучистых глаз, пронзавших насквозь, Падрайк оправдывал все свои преступления: «*No longer will his smiling eyes be there in the back of my head, egging me on, saying 'This is for me and for Ireland, Padraic. Remember that,' as I'd lob a bomb in a pub, or be shooting a builder*» [Ibidem]. / «Когда я минировал паб или убивал какого-нибудь качка-уродца, они словно бы говорили мне сквозь расстояния: “Это для меня и для Ирландии, Падрайк. Помни это, действуй”».

Почти святой Малыш Томас Падрайка, мерзкий и заносчивый Сэр Роджер Мейрид, лишайный Доминик Джеймса и прочие коты служат также неким проводником, шкалой измерения в оценке случившихся исторических событий в Ирландии и в частности событий, связанных с англо-ирландскими отношениями второй половины XX века: «*There's no guns involved in cat battering. That sounds like something the fecking British'd do. Round up some poor Irish cats and give them a blast in the back as the poor devils were trying to get away, like on Bloody Sunday*» [Ibidem, p. 28]. / «Раздавить кошку – просто. Для этого даже стволы не нужны. Так, кстати, обычно чертovsky британцы делают. Сгоняют несчастных ирландских котов и мутузят их до полусмерти, как в Кровавое Воскресение, только нескольким бедным чертенятам удастся убежать». А в дальнейшем вообще обращаются к самым истокам противостояния Ирландии и английского режима времён правления Оливера Кромвеля, спрашивая себя, разве не будут ирландские коты счастливее, если их не будут беспокоить английские: «*Do you know how many cats Oliver Cromwell killed in his time? ...Lots of cats. And burned them alive. We have a long way to go before we're in that bastard's league*» [Ibidem, p. 30]. / «Разве ты не знаешь, сколько в свое время убил котов Оливер Кромвель? ...Очень много. И закопал их живьем. И у нас есть свой путь, чтобы не стать ублюдками».

Кошки, которые издавна считались хранительницами домашнего очага и уюта, в пьесе становятся источником зла. В частности Малыш Томас, который вдоволь нагулявшись, вернулся, чтобы съесть или не съесть свой «Вискас»:

Davey. All because that fecker was after his hole. Four dead fellas, two dead cats... me hairstyle ruined! Have I missed anything?

Donny. Your sister broken-hearted.

Davey. Me sister broken-hearted.

Donny. All me shoe polish gone [Ibidem, p. 54]. /

Дейви. Все потому, что этот сукин сын где-то шлялся два дня! Четыре трупа, дведохлых кошки... мои волосы! Я ничего не пропустил?

Донни. Твоя сестра убита горем.

Дейви. Моя сестра убита горем.

Донни. Израсходован весь гуталин.

Но несмотря ни на что, именно Томасу отводят финальную роль некоего «голубя мира», который должен стать символом окончания цепочки смертей и несчастий:

Donny. Hasn't there been enough killing done in this house for one day?

The two breathe a sigh of relief, hearts pounding, slam the guns down on the table and stroke and pet the cat, trying to recover their breathe [Ibidem]. /

Донни. По-моему, в этом доме было достаточно смертей.

Они с облегчением выдыхают. Сердца колотятся. Кладут пистолеты на стол, гладят и ласкают кота, стараясь восстановить дыхание.

Через отношения к своему и чужому животному становится очевидной истинная суть того или иного персонажа. Так, например, в диалоге между Дейви и отцом Падрайка Донни видна чрезмерная антипатия последнего к образу женщины, матери. Забрать прямо на глазах мамаш кошку у их малышей – отличный аттракцион и способ дать им отпор. Именно так он всегда и поступал, когда его мать была ещё жива. Объясняя этот тем, что она действовала ему на нервы, и еще потому что у неё был кошмарный волосатый подбородок.

Интересно, что на протяжении всего текста МакДонах поднимает не утратившую даже сегодня своей актуальности проблему. А именно как человек, ставший невольным свидетелем преступления, должен поступить – помочь жертве и тем самым автоматически встать в ряд потенциальных подозреваемых или же закрыть глаза на происходящее, не вникать в суть случившегося и, как это бывает сегодня, пройти мимо. Именно это и случается с Дейви, который решает доставить по месту жительства бездыханный кошачий труп, приняв его за Малыша Томаса. И вместо какой-либо благодарности и участия становится не благодетелем, а потенциальным преступником. По мнению Донни, он должен был поступить с телом исключительно по инструкции: *«The first thing the books say is don't be moving an accident victim till professional fecking help arrives, and a fool knows that!»* [Ibidem, p. 2]. / *«Во всех инструкциях черным по белому написано: нельзя дотрагиваться до жертвы преступления, пока к ней не подошла профессиональная помощь. Любой дурак это знает».* Смерть кота и предполагаемая вина Дейви становятся благодатным полем для всевозможных фантазий по поводу самого хода преступления, а в дальнейшем эти же предположения уже воспринимаются как истина: *«After you'd rode over him, aye, and then probably reversed!»* [Ibidem]. / *«Только после того, как ты переехал эту кошатину, ты, наконец, тормознул педали и чисто из любопытства вернулся посмотреть, кого же ты все-таки задавил».* И всё же подобные обвинения и страх за собственную жизнь не заставили усомниться Дейви в правильности своего поступка: *«Ahead in the lonely road I saw him lying, and ran him inside then as quick as the legs could carry me, and me only crime, if I have one at all, was moving the victim before professional help arrived»* [Ibidem, p. 40]. / *«Я увидел его лежащим на пустой дороге, тут же подбежал к нему на полусогнутых. Моя вина лишь в том, что я дотронулся до жертвы до того, как к ней подошла профессиональная помощь. Но поскольку голова Малыша Томаса лежала, раскинувшись по дороге на целую милю, то я решил, что осторожность тут уже ни к чему».*

Показательная любовь к животным проявляется у некоторых персонажей лишь по отношению к отдельным представителям фауны, в то время как к другим они относятся с такой же ненавистью, как и к людям. Так, например, Падрайк, всячески подчёркивающий свою сверхзаботу и любовь к Малышу Томасу, совершенно спокойно может застрелить спящего кота, заподозрив подмену. Иногда ему удаётся одновременно мстить сразу нескольким жертвам – человеку и животному. Он скармливает нос Скэнка Тоби его же коккер-спаниелю, который тут же давится им. Тем самым собака и её хозяин умерли на глазах друг у друга, а Падрайк нанёс обидчикам двойной удар.

В пьесе «Королева красоты из Линейна» в третьей картине в диалоге между Пато и Морин упоминание о собаке служит лишь для того, чтобы заполнить паузу в разговоре. Диалогу предшествует обсуждение печенья «Кимберлиз» и некоего Колмана Коннона, который как-то съел целую пачку этого печенья и страдал всю неделю от расстройства желудка. В тот же момент следует фраза Морин, не этот ли самый Колман отрезал уши собаке Валена и держит их у себя дома в сумке:

Maureen. Is it true Coleman cut the ears off Valene's dog and keeps them in his room in a bag?

Pato. He showed me them ears one day.

Maureen. That's awful spiteful, cutting the ears off a dog.

Pato. It is awful spiteful.

Maureen. It would be spiteful enough to cut the ears off anybody's dog, let alone your own brother's dog.

Pato. And it had seemed a nice dog [2, p. 20]. /

Морин. А правда, что этот самый Колман отрезал уши собаке Валена и держит их у себя дома в сумке?

Пато. Он мне их как-то раз даже показал.

Морин. Ну и сволочь же он.

Пато. Да, зрелище не из приятных.

Морин. Вообще это дело сволочное, тем более что собака-то собственного брата.

Пато. А собачка, наверное, симпатичная была.

На первый взгляд может показаться, что всё это походит на беседы о погоде, только с более непривычным содержанием. Морин жалеет чужую собаку и в этом коротком диалоге предстаёт перед читателем весьма равнодушной особой по отношению к чужим страданиям. При этом к концу пьесы, когда она же с лёгкостью убивает собственную мать, облив кипящим маслом и ударив кочергой, мы понимаем, что всё было действительно шаблонной беседой, лишённой смысла.

В пьесе «Сиротливый запад» в авторской ремарке, описывающей пространство старого фермерского дома, упоминается фотография чёрного пса в рамке. Позже мы понимаем, что этот тот самый пёс, о котором шла речь в диалоге Пато и Морин в пьесе «Королева красоты из Линейна»:

Valene. I do hate them fecking Hanlons.

Welsh. Why now, Val?

Valene. Why, is it? Didn't their Mairtin hack the ears off of poor Lassie, let him fecking bleed to death?

Coleman. You've no evidence at all it was Mairtin hacked the ears off of Lassie. <...>

Coleman. That dog did nothing but bark anyways.

Valene. Well barking doesn't deserve ears chopped off, Coleman. That's what dogs are supposed to do is bark, if you didn't know.

Coleman. Not at that rate of barking. They're meant to ease up now and then. That dog was going for the world's fecking barking record.

Welsh. And there's plenty enough hate in the world as it is, Valene Connor, without you adding to it over a dead dog.

Valene. Nobody'll notice a biteen more hate, so, if there's plenty enough hate in the world [Ibidem, p. 132-133]. /

Вален. Ненавижу этих отвратительных Хенлонов.

Уэли. А за что?

Вален. За что? А разве не ихний Мартин отхватил уши нашему бедняжке Лэсси? Тот кровью так и истек.

Коулмен. Но доказательств-то у тебя нет. Никаких. <...>

Коулмен. Этот пёс только и знал что лаял.

Вален. Так что ж, за это ему надо уши отрубать? На то и собака, чтобы лаять, будто не знаешь.

Коулмен. Но не так часто. Иногда они молчат. А этот пёс по лаю все гребаные мировые рекорды побил.

Уэли. Вален Коннор, слушай меня. Ненависти в мире и так предостаточно. Давай хоть мертвых псов в покое оставим.

Вален. Если ненависти так много, так что будет, если немного еще добавить? Никто и не заметит.

В пьесе «Череп из Коннемары» персонаж по имени Мартин делится опытом по приготовлению хомяков, сравнивая это занятие с разбиванием черепов или избиванием людей: *«I've only cooked one hamster. It's not all it's cracked up to be. You stick him in alive and he comes out dead. The feck hardly squeals... I mean, the fella hardly squeals. If the oven had had a see-through door it would've been more fun, but it didn't, it had an ordinary door. My mistake was not planning ahead. I was egged on. But this is more fun. Is skull-hammering more fun than wife-into-wall-driving, Mick? [Ibidem, p. 105]. / «А я зажарил одного хомяка. Не так уж это и интересно – ты кладешь его в печь живым, а достаешь дохлым. Урод едва пищит... В смысле, он едва пищит. Конечно, было бы веселее, если бы дверь у духовки была стеклянная, но была то обычная. Моя ошибка была в отсуствии плана. Меня спровоцировали. Но это – гораздо веселее. Колотить черепа веселее, чем вдолбить жену в стену?»*. Сценой ранее в одном из диалогов между главными действующими лицами пьесы Миком и Томасом речь заходит о том, чему сейчас учат в школе. Один считает, что учат готовить кошек. Другой настаивает на том, что предметом изучения стало приготовление хомяков. Эту существенную разницу в предмете приготовления сравнивают с работой детектива – факт есть факт. Даже незначительная деталь может сыграть важную роль и подчас решает исход дела.

Одним из увлечений Билли, центрального персонажа пьесы «Калека с острова Инишмаан», является наблюдение за коровами. Именно оно помогает молодому человеку убежать от действительности, отдохнуть от двух назойливых тётушек. Подобное отношение к коровам вызывает разную реакцию у окружающих. Так, например, один персонажей пьесы Бобби предлагает разбавить это увлечение, делясь опытом из своего общения с коровами: *«Cows don't mind you throwing things at them. I threw a brick at a cow once and he didn't even moo, and I got him bang on the arse» [3, p. 33-34]. / «Коровам плевать, что в них ни брось. Я как-то раз кинул в корову кирпичом, а она даже не замычала, ну я и дал ей пинка»*. Тётушки главного героя, Кейт и Эйлин, считают, что подобными наблюдениями племянник только позорит их.

Кроме того, в этой пьесе животные становятся объектом для сплетен, которые постоянно распространяет известный собиратель провинциальных новостей Джоннипатинмайк: *«Jack Ellery's goose bit Pat Brennan's cat on the tail and hurt that tail and Jack Ellery didn't even apologise for that's goose's biting, and now Patty Brennan doesn't like Jack Ellery at all and Patty and Jack used to be great friends» [Ibidem, p. 10]. / «Гусь Джек Эллери уцупнул кошку Пэта Бреннана за хвост, и кошке было больно, а Джек Эллери даже не извинился за своего гуся, и теперь Пэтти Бреннан терпеть не может Джек Эллери, а ведь Пэтти с Джеком так дружили. Каково?»*. Данная «новость» и последующее за ней обсуждение подчёркивают в очередной раз всю скудность происходящих на острове событий. В дальнейшем эта пара животных вновь всплывает в местной сенсации, когда Джоннипатинмайк обеспокоен фактом их пропажи и надеется, что их всё же найдут и что с ними случилось что-то ужасное. Ведь тогда скучная жизнь маленького островка в Ирландии сможет обсудить новое событие. Ещё одной новостью номер один становится тот факт, что в графстве Керри есть овца без ушей.

Пожалуй, единственное обращение к образу животного, которое не пострадало, а даже наоборот смогло проявить свою индивидуальность, – маленький зелёный поросёнок из пьесы «Человек-подушка» (The Pillowman, 2003). МакДонах предлагает свою историю о том, каково это быть непохожим на других и как важно не утратить свою индивидуальность. Именно этот рассказ – единственный добрый рассказ главного героя, писателя Катурияна, который показывает, что искусство и творчество несут не только зло.

Действия, разворачивающиеся вокруг животного, типичны не только для пьес, но и для киноработ М. МакДонаха. В его первом короткометражном фильме «Шестизарядник» главный герой мистер Доннели не расставался с кроликом на протяжении всей ленты. А его последний фильм «Семь психопатов» – чёрная комедия, в которой история начинается с того, что у главного психопата, гангстера Чарли Костелло украли пёсика породы ши-цу.

Таким образом, мы видим, что животные в произведениях Мартина МакДонаха несут определённо значимую символику. Кроме того, на проблемы животных экстраполируются проблемы людей. Стоит отметить, что данная особенность относится не конкретно к какой-то пьесе автора, а является типичной для его драматургии в целом. При этом все проанализированные тексты являются произведениями о людях, а не о животных.

Список литературы

1. **Lonergan P.** Too Dangerous to Be Done? Martin McDonagh's Lieutenant of Inishmore // Patrick Lonergan. Irish Studies Review. 2005. Vol. 13. № 1. P. 65-78.
2. **McDonagh M.** Plays: 1. The Leenane Trilogy. London, 1998. 196 p.
3. **McDonagh M.** The Cripple of Inishmann. London: Vintage International, 1998. 113 p.
4. **McDonagh M.** The Lieutenant of Inishmore. London: Methuen Drama, 2001. 54 p.

ANIMALS AS OBJECT OF VIOLENCE IN THE WORKS BY MARTIN MCDONAGH

Kirichenko Dmitrii Arturovich

*Taurida National V. I. Vernadsky University
dima-teatr@mail.ru*

The article presents a detailed analysis of animal images in the texts by Martin McDonagh. Importance of these personages in the writer's works is typical not for a certain text but it manifests itself as one of the artistic peculiarities of his dramaturgy. On the basis of the events associated with animals the writer thinks over the topical problem of our time: why, having deep and sincere affection towards animals, a human being brutally kills his own kind.

Key words and phrases: new drama; zoolatry; violence; animals; Martin McDonagh.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена анализу фонологического статуса мягких заднеязычных согласных в современном русском литературном языке. В ней рассматриваются синтагматические аргументы в пользу признания этих согласных самостоятельными фонемами, делается вывод о том, что решение о фонологической интерпретации мягких заднеязычных, по крайней мере, в терминах Московской фонологической школы, может быть принято только на основании фонемного состава словаря знаков.

Ключевые слова и фразы: русский язык; фонетика; фонология; синтагматика; мягкие заднеязычные согласные.

Князев Сергей Владимирович, д. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
skv11@yandex.ru*

ФОНЕМНЫЙ СТАТУС МЯГКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИКА И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ[©]

Фонологический статус мягких заднеязычных согласных уже долгое время является одной из наиболее активно обсуждаемых проблем описания фонетической системы современного русского литературного языка (далее – СРЛЯ). Обычно приводятся следующие аргументы против признания их самостоятельными фонемами:

– мягкие заднеязычные не противопоставлены соответствующим твердым в наименее обусловленной позиции – позиции конца слова: «В решающем положении для различения твердых-мягких согласных – на конце слова – заднеязычные бывают только твердыми» [1, с. 170];

– твердые велярные согласные, в отличие от других согласных, на стыках морфем внутри фонетического слова смягчаются перед <и>: [наг-á / наг'-í] при [трав-á / трав-ы] [5, с. 143-144];